

УДК 321.01

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «СОСЛАГАТЕЛЬНОГО» ПОДХОДА К ОЦЕНКАМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности и методологические противоречия использования «сослагательного» подхода к анализу исторических событий на примере революций 1917 г. Обоснован вывод о том, что использование «сослагательности» в отношении важнейшего события в истории нашей страны приводит к вольному или невольному искажению его содержания, его причин и последствий, к тому, что затрудняется извлечение исторических уроков для современных акторов политического процесса.

Ключевые слова: «сослагательный» подход, Революция 1917 г., исторический опыт, исторические уроки.

Revisiting the “Conjunctive” Approach to Evaluation of Revolutionary Events-1917

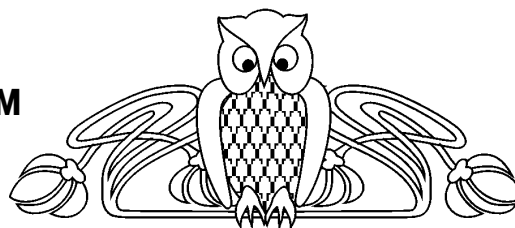
A. A. Vilkov

The article is about peculiarities and methodological contradictions of using “conjunctive” approach to the analysis of historical events exemplified by the revolution-1917. An inference is drawn that using “conjectivity” with regard to the momentous event in the history of our country results in willing or unwilling distortion of its content, reasons and consequences, complicates learning historical lessons by current actors of political process.

Key words: “conjunctive” approach, Revolution-1917, historical experience, historical lessons.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-209-212

Столетняя годовщина Революции 1917 г. неизбежно стимулировала всплеск интереса научной общественности к проблематике ее причин, движущих сил, сущностного содержания, итогов и значения для российской и мировой истории. Несмотря на огромное количество исследований по данным аспектам в советский период, дискуссии по ним в современном отечественном обществознании и публицистике продолжают. Они затрагивают большое количество различных аспектов о причинах, характере, движущих силах, предпосылках, особенностях и последствиях революций 1917 г. Однако ключевым остается главный вопрос, суть которого в упрощенном виде можно свести к тому, что для нас означает Октябрь 1917 г.: величайший триумф, или величайшая трагедия?¹ Подобная установка актуализирует еще одну проблему – насколько целесообразно и методологически оправданно выстраивать различные «сослагательные» версии в исследовании этого важнейшего события в исто-

рии страны и всего мира. Это особенно важно с учетом того, что с обозначением и обоснованием позиции по данному ключевому вопросу в значительной степени связаны оценки, трактовки и понимание исследователями и публицистами многих других исторических сюжетов в развитии России в прошлом столетии.

Кроме явного «сослагательного» подхода, основанного на представлении и обосновании различных вариантов развития событий, которые, по мнению исследователей, «могли бы состояться в том случае, если бы...», нередко имеет место «скрытая сослагательность». Суть ее состоит в том, что речь ведут не о развернутом изложении возможных исторических альтернатив, а о соотношении закономерности и случайности в развитии тех или иных событий. Например, рассуждений по типу «свержение самодержавия было закономерным, и если бы не случайное стечение обстоятельств и не досадные ошибки отдельных деятелей, демократические преобразования после Февральской революции должны были вывести Россию на магистральный путь западноевропейской цивилизации».

«Сослагательный» подход, ориентированный на рассмотрение возможных альтернатив развития страны в обозначенный период, характерен, прежде всего, для тех, кто по ряду различных оснований признают Октябрь 1917-го величайшей трагедией в истории нашей страны. Упрощая ситуацию, их можно разделить на две группы.

Представители первой группы, которых условно можно обозначить сторонниками консервативной позиции, подкрепляют ее различными показателями позитивной динамики социально-экономического развития дореволюционной России. В соответствии с этим они выстраивают логику своего негативного отношения к сторонникам всех оппозиционных партий (от кадетов и до эсеров), деятельность которых, по мнению сторонников данной позиции, и стала основной причиной делегитимации и свержения самодержавного строя в России. Февраль 1917-го положил начало тому революционному хаосу, который привел не только к кровавой гражданской войне, но и к установлению на несколько десятилетий диктаторского режима в стране.

В рамках данного направления довольно популярными были и продолжают оставаться «сослагательные» сценарии возможного развития России на основе рассуждений по схеме: «если

бы не было революции». Алгоритм достаточно прост: происходит экстраполяция дореволюционных демографических и социально-экономических тенденций развития России, на основе которых рассчитываются выкладки ее возможного развития без революции на несколько последующих десятилетий. Примером может служить использование отечественными писателями и публицистами расчетов французского экономиста и политического обозревателя Эдмона Тэри, который в 1914 г. выпустил книгу «Экономическое преобразование России», написанную по заданию французского правительства. В ней автор на основе обширной статистики Российской империи, отражающей самые различные показатели конца XIX – начала XX столетия (от демографических до производства каменного угля, чугуна, железа и стали), прогнозировал ее бурный экономический подъем и прогрессирующее развитие всех сфер общественной жизни в период следующих четырех десятилетий. Общий вывод его для европейских политиков и рядовых читателей книги был сформулирован достаточно однозначно: «...если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»².

Отдельно можно выделить монографию лидера Партии Великое Отечество Н. Старикова, который сделал акцент на выявлении организаторов «русской» революции 1917 г. По его мнению, «прямых доказательств финансирования англичанами и французами Февральской революции и заговора против русского царя нет. Есть огромное количество намеков, ссылок в различных книгах, наблюдений и логических выводов. Но именно логика событий поступков и действий неопровержимо подтверждает, что это они организовали и оплатили уничтожение русского государства»³. Несмотря на публицистический характер большинства произведений автора, высказываемая им публично точка зрения в той или иной степени разделяется и профессиональными историками.

Представители второй группы, которых условно можно обозначить как сторонников демократической трактовки, более критично оценивают состояние России в годы Первой мировой войны и выделяют объективные политические, социально-экономические и психологические предпосылки, которые закономерно привели к демократической революции в феврале 1917 г. Ее итогом стало вхождение России в группу передовых стран, признающих основные права и свободы человека и сформировавших демократические институты и механизмы. Однако в условиях войны эти демократические завоевания удержать не удалось, и к власти пришла партия

большевиков, которая популизмом и демагогией увлекла за собой маргинальную массу рабочих и крестьян и сформировала жестокий и всеобъемлющий тоталитарный режим.

Представители данной группы исследователей также склонны рассуждать об упущенных альтернативах возможного развития России в случае, если бы в 1917 г. была сохранена власть Временного правительства и Учредительного собрания. Иногда это находит отражение даже в названиях международных научно-практических конференций, проведенных в юбилейный год⁴. Соответственно, все выступающие и участники дискуссий, вольно или невольно, должны были ориентироваться на установку «что было бы, если бы», выстраивая свои версии объяснения революционных событий.

Как представляется, о бесплодности альтернативного сценария давно прошедших событий свидетельствует непреложная аксиома о том, что у истории нет сослагательного наклонения. Стремление выстраивать альтернативные исторические реконструкции событий представляет собой методологию, которая приводит к отнюдь небезобидным последствиям для современности. Суть опасности видится в том, что такая методология чаще всего выстраивается на обвинении отдельных акторов исторического процесса (в жестокости и негуманности методов борьбы, в отступлении от своих принципов и программ, в нарушении обязательств и т. д.) и в обелении и оправдании других акторов. Эти исторические обвинения экстраполируются на современность на уровне обобщений, выделения закономерностей и исторических параллелей для обоснования необходимости их учета в выстраивании стратегии современного развития. Чаще всего данный подход характерен для тех исследователей и публицистов, у которых имеется достаточно открыто выраженная идеологическая и мировоззренческая позиция. В этом случае одной из ключевых причин склонности к «сослагательному» подходу является нежелание признать справедливость и обоснованность позиций своих идеологических конкурентов, утверждающих, что переход от Февраля к Октябрю стал единственно возможным вариантом развития событий.

Более продуктивной видится позиция историков, которые акцент делают на необходимости извлечения уроков из нашего исторического прошлого. Однако и здесь встречаются попытки обосновать альтернативность революционного развития событий в 1917 г. с соответствующей экстраполяцией оценок исторических событий на современность. Например, можно было бы только приветствовать посыл академика Ю. С. Пивоварова в объяснении смысла его занятия историей – «понять Россию. Сегодняшнюю Россию»⁵. На самом деле большая статья, написанная к 90-летию русской революции, в

значительной своей части содержит эмоциональный призыв автора к покаянию за все содеянное большевиками в период революции и последующие годы правления коммунистического правления.

Для того, чтобы произвести впечатление масштабом Русской Революции, Ю. С. Пивоваров значительно расширяет ее хронологические рамки, определяя их как историческую эпоху в «период русской истории между отменой Крепостного Порядка (права) и установлением Второго Крепостного Порядка (права) большевиков (ВКП (б)). <...> Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута. <...> После этой победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства»⁶. Революция 1905–1907 гг., по мнению академика, была вполне успешной благодаря достижению компромисса между властью и обществом.

Февральская революция, по мнению Ю. С. Пивоварова, не была исторически «запрограммирована». «Более того, даже состоявшись, имела возможности развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции»⁷.

Логика рассуждений автора, если очистить ее от демонстрации академической эрудированности, сводится к тому, что «русское государство, русская институциональная система, даже русская полиция – при всех их грозности, громадности, при всех страхах, которые они наводили (наводят – это сохранилось) на ближних и дальних, – чрезвычайно неустойчивы, неэластичны, неэффективны, но: хрупки и ненадежны. И чуть что, разлетаются вдребезги, в щепки, в ничто»⁸. В результате либералы легко получили власть в феврале 1917 г., но удержать ее не смогли. Главная причина, по мнению автора, – не только непонимание либеральными общественниками важности момента, но и наличие в России двух революций, двух субкультур, образовавшихся в результате раскола. Однако в объяснении причин победы большевиков, вся сложная логика обоснований и разнообразных исторических экскурсов Ю. С. Пивоварова сводится к достаточно тривиальному и далеко не новому обвинению – наличию общинного крестьянства с «плохим» менталитетом и стремлением к уравнилельным ценностям.

Историк и философ И. Б. Чубайс, также признающий возможность альтернативности исторического процесса и подчеркивающий, что «реальная практика могла быть иной, история не знает фатализма», представляет иную трактовку объяснения событий: «Катастрофа Октября привела нас к тяжелейшим, по большей части невозполнимым утратам. В прошлое столетие Россия входила с признанной Европой претензией на мировое лидерство, а закончилось оно распадом страны. Мы потеряли целое столетие. Нашу экономику добивает неэффективное управление

и порожденная им неконкурентоспособность. В век XX мы вступали вместе со славянскими и православными государствами, нашими верными союзниками были великие державы Англия и Франция. Сегодня мы в полной политической изоляции, самым мракобесным термином стало понятие “иностранный агент”. Россию столкнули со всем миром, и мир против России. Мы потеряли время и утратили пространство»⁹.

Такой масштабный охват обвинений нацелен, прежде всего, на характеристику современного состояния России, которую автор лишает места в цивилизованном мире и выводит ее за пределы мирового пространственно-временного континуума, подчеркивая, что Россия «угасает». Примечательно, что в объяснении главных причин победы большевиков и последующих событий в рамках советской истории И. Б. Чубайс, в отличие от Ю. С. Пивоварова, акцент делает на распространении безверия. Атеизм, по его мнению, стал следствием базового изменения стиля жизни в начале XX в., вызванного массовыми миграционными процессами и разрушением крестьянской общины. Последняя на протяжении многих поколений характеризовалась глубокой погруженностью человека в природу: «Укорененность и сродненность с местом проживания формировали соответствующие правила, которые возвышала и цементировала вера...»¹⁰

Фактически, два исследователя, одинаково негативно оценивающие влияние Октября на последующее развитие страны, в равной мере негативно оценивающие ее современное состояние, расходятся в объяснении первопричин революции. Ю. С. Пивоваров объясняет ее уравнилельными началами в ментальности крестьянства, а И. Б. Чубайс, напротив, видит первопричиной прихода и удержания большевиков у власти отклонение от общинных правил и утрату веры. Однако общим для данных либерально ориентированных исследователей является признание российского крестьянства главным субъектом исторической ответственности за революции 1917 г. и их последствия. Роль российской либеральной интеллигенции и проблема ее ответственности тем самым отступает на второй план, на первый же выступают обвинения в том, что современная «власть не может предложить проект будущего», что интеллектуалы покидают страну или «вынуждены молчать, заглушаемые пропагандой»¹¹.

Возникает резонный вопрос: а какой проект будущего России был предложен и реализован российскими либералами в начале 1990-х гг.? Почему нет призывов и обоснований необходимости интеллигентского покаяния за политические и социально-экономические издержки проведенных в этот период либеральных преобразований? За ту выбранную российскими либералами форму приватизации, которая объективно не могла привести ни к какой другой

форме капиталистического уклада, кроме как олигархической и компрадорской модели? За ту форму авторитарного политического дизайна сегодняшней власти, основы которой были обоснованы и конституционно закреплены сторонниками либерализма в 1993 г.? За те методы тотального информационного давления и манипулирования, которые повсеместно использовали либеральные российские СМИ и без помощи которых Б. Н. Ельцин никогда не был бы избран на второй срок в 1996 г.?

Как представляется, проблематика альтернативных вариантов исторического развития России должна быть исключена из сферы научных исследований отечественных исследователей либо выделена в особую литературную отрасль исторической фантастики (рядом с рассказом американского фантаста Р. Бредбери «И грянул гром!»). Упоминание этого великолепного по философской глубине рассказа уместно еще и потому, что дает некоторое основание для аналогии в понимании опасности «вмешательства» в наше историческое прошлое. У фантаста это происходит с помощью «машины времени» для организации сафари в глубоком прошлом истории Земли, когда случайная гибель доисторической бабочки вызвала эффект последующих необратимых негативных последствий. У отечественных обществоведов использование «составительности» в отношении важнейшего события в истории нашей страны приводит к вольному или невольному искажению самого этого события, его причин и последствий.

Однако главная опасность состоит в том, что использование этого принципа мешает извлечь практические уроки из нашего исторического опыта и объективно оценить наше настоящее состояние. Объективное исследование вариативности настоящего и обоснование краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных прогнозов и сценариев политического и социально-экономического развития страны возможно не на основе экстраполяции «несостоявшихся альтернатив» революций 1917 г., а на основе всестороннего и непредвзятого анализа причин, движущих сил, совокупности всех внутренних и внешних факторов, настроений и ментальных особенностей

участников этого реально состоявшегося исторического события. В этом случае возможен учет реальных ошибок основных субъектов тогдашних революционных потрясений их современными преемниками и идентичными субъектами политики для экстраполяции на свою деятельность в современных условиях, для осознания своей ответственности за судьбу страны, для понимания сложности и необратимости принимаемых решений. В этом случае возможно восприятие нашей истории как единого непрерывного целого, без исторических разрывов и безапелляционных оценок о «выпадении из времени и пространства».

Примечания

- 1 Таким дихотомическим способом дилемма была обозначена уже в сборнике ведущих советских историков, вышедшем в последний год перестройки: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П. В. Волобуева. М.: Политиздат, 1991.
- 2 Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор – Предисловие. URL: <https://aftershock.news/?q=node/470655&full> (дата обращения: 06.04.2017).
- 3 Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2012. С. 43.
- 4 См.: 17 февраля в Саратовском социально-экономическом институте РЭУ им. Г. В. Плеханова прошла международная научно-практическая конференция «1917 год в истории России. Часть I. Февраль 1917 г.: упущенная альтернатива». URL: <http://www.4vsar.ru/news/85615.html> (дата обращения: 20.02.2017).
- 5 Пивоваров Ю. С. О русских революциях: Послесловие // Труды по руссведению: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссведения; гл. ред. И. И. Глебова. М., 2009. Вып. 1. С. 22.
- 6 Там же. С. 31.
- 7 Там же. С. 33.
- 8 Там же. С. 34.
- 9 Чубайс И. «Великий октябрь» или русская катастрофа? URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/11/06/velikiy-oktyabr-ili-russkaya-katastrofa.html> (дата обращения: 07.03.2017).
- 10 Там же.
- 11 Там же.

Образец для цитирования:

Вилков А. А. К вопросу об использовании «составительного» подхода к оценкам революционных событий 1917 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 209–212. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-209-212.

Cite this article as:

Vilkov A. A. Revisiting the “Conjunctive” Approach to Evaluation of Revolutionary Events-1917. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 209–212 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-209-212.
